

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ОДНОИМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Статья посвящается вопросам критики современной уголовно-процессуальной идеологии и одноименной фразеологии, что требует существенной коррекции общей части УПК, касающейся задач, принципов, процессуального статуса государственных представителей в уголовном судопроизводстве.

Эффективность работы любой системы измеряется показателями достижения поставленных перед ней целей. Эта аксиома имеет прямое отношение к системе уголовной юстиции, где политику традиционно определяют в первую очередь такие государственные представители, как органы дознания, следователь, прокурор и суд.

В то же время влияние на существо деятельности как государственных органов, так и других субъектов в сфере уголовной юстиции оказывают идеологические установки, запрограммированные в соответствующих федеральных законах.

Если же проанализировать с идеологических позиций УПК Российской Федерации, то можно почерпнуть об этом весьма любопытные сведения. Но прежде заглянем в проекции заявленной нами темы, в Концепцию судебной реформы в Российской Федерации [1].

В упомянутом документе имеется самостоятельный раздел, озаглавленный «Идеологизация юстиции», где приводится мысль о необходимости деполитизации и деидеологизации юстиции, в том числе ее уголовной составляющей. При этом в качестве непрекаемой, авторами подается мысль о том, что юстиция в правовом государстве должна быть самостоятельной силой, **выражающей интересы права** [2] (выделено нами. – В.А.). Данное утверждение является отнюдь не лукавством, а прямой попыткой подмены тезиса (когда «тень наводится на плетень»). Юстиция по определению не может выражать интересы права, поскольку право всегда является средством защиты чьих-то интересов. Уголовно-процессуальное право, как принято считать, призвано защищать интересы личности именно в сфере деятельности органов уголовной юстиции.

В советский период новейшей российской истории государственной являлась идеология правящей партии, что само по себе выстраивало систему приоритетов для органов уголовной юстиции. Смена государственного и общественного строя России породила не до конца продуманное изменение шкалы социальных ценностей, и на этом фоне модным стал, на наш взгляд, сомнительный тезис о необходимости деидеологизации системы уголовной юстиции и соответствующего федерального законодательства. Почему мы причисляем данный тезис к сомнительным?

В первую очередь потому, что идеологизация представляет собой систему взглядов, идей, формирующих приоритеты любого рода человеческой деятельности. Если речь вести об уголовном судопроизводстве, очевидно, что это должны быть основополагающие, стержневые идеи, создающие концепцию деятельности, в первую очередь государственных представлений в сфере уголовной юстиции. Разработчики Концепции судебной реформы (а затем УПК РФ), «развенчав» прежнюю идеологию и констатировав, по их мнению, допущенные в СССР искажения природы и целей юстиции, объявили программу деполитизации уголовно-процессуального законодательства [3]. Однако данные оценки и предложения представляются нам не более чем «словесным камуфляжем» или «уголовно-процессуальной фразеологией», поскольку действующий УПК Российской Федерации, по нашему мнению, значительно более идеологичен, нежели его предшественник. Какие же идеи, представления и взгляды лежат в его основе? В Концепции судебной реформы данный термин ни разу не прозвучал, хотя осмысление методологических основ, на которых

базируется УПК РФ, однозначно подводит к выводу: его фундаментом служит идеология либерального толка. Эта идеология, защищая интересы крайне узкой группы людей, уже продемонстрировала свою ущербность в экономике, в политике, но именно ей отдано предпочтение при формировании концепции УПК РФ. Таким образом, вместо деидеологизации сферы уголовной юстиции (как было объявлено в Концепции судебной реформы) после принятия УПК РФ здесь произошла «тихая» **замена идеологии**. Как правильно и весьма образно об этом сказано, щупальца либерализма цепко охватили весь кодекс 2001 года [4]. Печально известный лозунг «меньше государства в экономике и политике» был силовыми методами реализован в сфере деятельности органов уголовной юстиции.

Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позицию государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей, взамен УПК РФ предлагает совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы уголовного судопроизводства.

Мы далеки от мысли о том, что с преступностью должен бороться суд, но вряд ли правильно (даже формально) отстранять от этой деятельности органы, осуществляющие уголовное преследование, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. В частности, крупным фрагментом деятельности органов предварительного расследования по борьбе с преступностью является быстрое и полное раскрытие преступлений, что сегодня по УПК РФ не вменяется им в обязанность [5].

Права и свободы человека Конституцией Российской Федерации возведены в ранг наивысших приоритетов, гарантируемых государством в любой сфере жизнедеятельности. Сама по себе данная постановка весьма прогрессивна и обладает высоким потенциалом социальной значимости. Вместе с тем в контексте «тотального» наступления во всех областях государственной и общественной жизни привнесенных в наше отечество «либеральных ценностей», в известной степени

дезорганизирующих государство, упомянутая постановка способна получить и совершенно определенное негативное звучание.

Особенно это очевидно в уголовном судопроизводстве, где часто конкурируют (а то и вступают в непримиримые противоречия) интересы государственные (общественные) и интересы отдельной личности. Если представить себе, что все коллизии личных и государственных (общественных) интересов в сфере деятельности органов уголовной юстиции решались бы в пользу первых, то бессмысленно было бы ожидать выполнения задач, поставленных государством перед властными субъектами судопроизводства. Значит, самым разумным здесь будет отыскание компромисса между конкурирующими интересами. Представляется, однако, что пока этого достигнуть не удалось. Российский законодатель, в погоне за небесспорного достоинства, а подчас мифологическими «либеральными ценностями» реформируя уголовное судопроизводство, часто некритически заимствовал и механически внедрял в отечественный уголовный процесс классические английские, американские институты, что, диссонировав с континентальными конструкциями, резко негативно сказалось на эффективности работы системы уголовной юстиции.

Отметим, что либерализация уголовно-процессуального законодательства, проявившаяся в УПК РФ, явно не вписывается в мировые тенденции развития уголовно-процессуального права. Последние характеризуются ужесточением его карательной направленности, изменением баланса приоритетов в пользу защиты общественных, государственных интересов, что нами оценивается позитивно. Небезынтересно в этой связи, что практика деятельности Европейского суда по правам человека отражает названную тенденцию. В частности, признается оправданным ограничение процессуальных прав обвиняемого, подозреваемого и даже – отказ от традиционных принципов уголовного судопроизводства. Вмешательство в личную жизнь все чаще рассматривается как мера, необходимая в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия,

в целях предотвращения преступлений в соответствии со смыслом п. 2 ст. 8 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод [6].

В связи с этим становится очевидным, что «всеобщая либерализация» не является панацеей и не решает всех проблем, возникающих при смене государственного и общественного уклада страны. Более того, в области борьбы с уголовной преступностью, особенно с ее крайними проявлениями – организованными формами, терроризмом и др., масштабная либерализация, при ее возведении в ранг государственной стратегии, способна нанести большой вред. Между прочим, либерализм, наряду с его определением в качестве идеологического и политического течения, толкуется в словарях еще и как «**излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство**» [7] (выделено нами. – В.А.). Приведенное толкование, на наш взгляд, ярко иллюстрирует методологическую ущербность сегодняшней уголовно-процессуальной политики в России.

Снисходительным может быть сильный к слабому, в расчете на понимание и должную оценку проявленной снисходительности. В обсуждаемом нами вопросе все обстоит «с точностью до наоборот»: государство ежедневно демонстрирует нам свою слабость, в стране, по меткому выражению публицистов, «нет ничего организованного, кроме преступности». В то же время преступность «возмужала» до таких кондиций, что представляет прямую угрозу национальной безопасности государства, о чем мы писали достаточно обстоятельно [8].

В этих условиях государству вряд ли целесообразно «проявлять снисходительность», а тем более – попустительствовать в отношениях с преступностью, особенно – в ее крайних, экстремистских проявлениях. Что же мы наблюдаем в действительности?

В области **уголовно-процессуального законотворчества**, к сожалению, пока торжествуют все те же пресловутые «либеральные подходы». Именно «под флагом» либерализации уголовно-процессуального законодательства проходит судебная реформа в Российской Федерации. Исключительно инте-

ресные и содержательные оценки концептуальных подходов к реформированию уголовно-процессуального законодательства высказаны А.М. Барановым и И.В. Корзуном [9]. В частности, авторы выявили крупные заблуждения, лежащие в основе государственной стратегии борьбы с преступностью. Состоят они в том, что, по мнению наших «реформаторов», совершенствование законодательства «криминального цикла» в демократической стране может осуществляться исключительно в направлении его либерализации [10]. Данная идея методологически ошибочна, поскольку в эпоху смены государственного и общественного уклада страны (читай: «революционных изменений») губительно ослабление средств и возможностей государственного контроля над преступностью. Отметим, что плодами «научных изысканий» приверженцев либеральных реформ явились и такие обескураживающие своей абсурдностью идеи, как «сотрудничество с криминалитетом (лидерами преступной среды) с целью контроля преступности» [11].

Либерализация же уголовно-процессуального законодательства заведомо обречена на результат, сутью которого является ослабление влияния государства в сфере уголовного судопроизводства. Но освобожденное поле не остается «стерильно чистым и пустым». Интересные и оригинальные оценки в этой связи высказаны А.Н. Харитоновым: «Ослабление государства (представляемое в качестве необходимого условия и неизбежного следствия перехода к демократии и рыночным отношениям) объективно выгодно мафии. Принципиальное (целеустремленное) ослабление государства выгодно исключительно мафии, которая заполняет образовавшийся вакуум государственной власти и огосударвляется» [12].

В изложенном контексте следует согласиться с профессором З.Д. Еникеевым в том, что **правовая реформа** в сфере борьбы с преступностью **зашла в тупик**, действующее уголовно-процессуальное законодательство не соответствует мерилам оптимальности, а главным образом современному состоянию и тенденциям развития преступности, оно не

в состоянии обеспечить должную правовую охрану общечеловеческих и национальных ценностей [13]. Оценки сильные, но они заставляют задуматься над стратегией уголовно-процессуальной политики в России. Какова же ее суть?

Если слегка утрировать, то **стратегия российской уголовно-процессуальной политики** заключается в ее отсутствии. Комментируя нашу «легкую гиперболу», заметим, что сегодня в России существует единственная научно обоснованная государственная программа реформирования системы уголовной юстиции. Речь вновь идет о Концепции судебной реформы в Российской Федерации, одобренной парламентом страны осенью 1991 года. Вместе с тем на протяжении пятнадцати лет ее существования названная Концепция вызывает неоднозначное отношение как ученых-процессуалистов, так и практиков. Прошедшие с момента ее одобрения годы показали ошибочность отдельных ее позиций и оценок. Наряду с этим целый ряд предписаний данного документа отвергнут законодателем при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ. Кроме того, серьезно скомпрометировала себя выдвинутая в Концепции идея о необходимости «революционных» изменений в системе юстиции. Практика реформы, в частности, показала ошибочность утверждения о том, что «путь эволюционных изменений... неприемлем для искоренения причин кризисных явлений» [14] в сфере уголовной юстиции. Сегодня, с учетом состояния и динамики криминальных процессов, уже не выдерживает критики решение об устранении цели борьбы с преступностью из системы задач, стоящих перед органами правоохраны. Претерпели существенные изменения и социальные установки. По этому поводу довольно точно высказался А.И. Александров: «Первоначально своего рода идеологией происходящих в государстве реформ были антисоциалистические идеи и либерально-демократические ценности, служащие социальными ориентирами общественного развития. Но дальнейший ход событий продемонстрировал неприемлемость этих идеологем для значительной части российского общества» [15].

Самое парадоксальное состоит в том, что «на гребне либерально-демократических разочарований», в условиях неудовлетворенности абсолютного большинства населения страны результатами деятельности «реформаторов-либералов» принимается УПК Российской Федерации, «насквозь пронизанный» либеральными идеями. В этой связи представляется правильной оценка, в соответствии с которой действующий УПК «навязан» правоприменителю вопреки общественным потребностям и сформировавшимся на фоне резкого неприятия «либеральных ценностей» ожиданиям.

Между тем «просыпающиеся как из дрявого мешка, далеко не всегда иницилируемые законодательной ветвью власти, многочисленные дополнения и изменения уголовно-процессуального законодательства **делают уголовное судопроизводство** (читай: «государство в сфере уголовного процесса») – В.А.) **все более беспомощным**. Под флагом защиты прав и свобод граждан в уголовно-процессуальное законодательство вносятся такие изменения, которые **лишают уголовное судопроизводство возможности защищать основную массу своих граждан от посягательств на них со стороны лиц, достигающих своих целей путем нарушения уголовного закона**» [16].

Вновь приходится вернуться к **адекватности нашего законодателя**. В быту, как известно, неадекватность действий и решений является причиной обращения к психиатру. Для либеральной части наших законотворцев такое стремление, видимо, не является очевидным, хотя законодательные решения в сфере уголовной юстиции явно диссонируют как с общественными, так и с государственными потребностями. Мало того, декларированная в ст. 6 УПК РФ задача защиты потерпевших от преступлений подкреплена в УПК РФ крайне ослабленными средствами ее достижения [17].

Проведенный анализ показывает, что в основе УПК РФ – принципиально неприемлемая для российских условий методология «либерального толка», воплощенная в известной концепции самоограничения государства [18], оказавшейся, как справедливо заметил профессор З.Д. Еникеев, «в немалой

степени негативной для правоохранительных интересов» [19].

Критически оценивают упомянутую концепцию и другие известные российские процессуалисты [20]. В данном контексте представляются вполне обоснованными предложения о разработке и принятии иного Уголовно-процессуального кодекса России [21], взамен действующего, во многом дискредитированного методологически ошибочной концепцией, «уложенной» в его фундамент.

Думается, что идеологической основой нового УПК Российской Федерации должны служить идеи, взгляды и представления об усилении влияния государства через своих представителей в сфере уголовного судопроизводства. С этих позиций, на наш взгляд, в первую очередь требуют существенной коррекции нормы общей части кодекса, касающейся задач, принципов, процессуального статуса государственных представителей в уголовном судопроизводстве.

Список использованной литературы:

1. См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 111. Далее – Концепция судебной реформы.
2. См.: Указ. соч. – С. 18.
3. См.: Указ. соч. – С. 18-19.
4. См.: Томин, В.Т. Проблемы строительства уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и ухабы его реализации // Проблемные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. – Саранск, 2002. – С. 5.
5. Азаров, В.А. Назначение российского уголовного процесса // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: материалы научно-практ. конф. Часть I. – Барнаул, 2002. – С. 6-13.
6. См. об этом: Ведерникова О.Н. Оценка российского УПК с позиций мировых процессуальных тенденций // Государство и право. – 2002. – №9. – С. 113.
7. Малый толковый словарь русского языка: 2-е изд. – М., 1993, с. 232; Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. – М., 1988. – С. 276.
8. См.: Азаров, В.А. Исключительное судопроизводство по делам об организованной преступности // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межв. сб. науч. тр. – Красноярск, 1999, с. 65-73; Азаров, В.А. Борьба с организованной преступностью: российский опыт законоотворчества и прогнозы XXI столетия // Полиция в XXI веке: прогнозы, модели, деятельность: Материалы научной конф. – Омский ЮИ МВД России, Скармен – Центр Лестерского ун-та (Великобритания). – Омск, 2000. – С. 28-32; Азаров, В.А. Уголовно-процессуальные средства противодействия организованной преступности // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2004. Материалы VI международной научно – практ. конф., посвященной 75 – летию и памяти профессора Ю.Д. Лившица. – 1-2 апреля 2004 г. – Челябинск, 2004. – Ч. 1. – С. 103-106.
9. См.: Баранов, А.М., Корзун, И.В. О соотношении либеральных и принудительно-властных принципов реформ в борьбе с преступностью // Реформы в России: история и современность: сборник материалов международной научной интернет – конференции. – Омск: ОмГУ, 2004. – С. 67-69.
10. См. А.М. Баранов, И.В. Корзун. Указ. соч. – С. 67-68.
11. См.: Говорухин, С. Великая криминальная революция. – М., 1993. – С. 73.
12. Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью: Теоретические и правовые проблемы: Монография. – Омск: Юридический институт МВД России, 1997. – С. 94.
13. См.: Еникеев, З.Д. Совершенство законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: материалы Всероссийской научно-практ. конф. Посвященной 95-летию Башкирского гос. ун-та. Часть I, – Уфа, 2004. – С. 12.
14. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 7.
15. Александров, А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – С. 34.
16. Томин, В.Т., Попов, А.П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. – Пятигорск, 2003. – С. 39.
17. См. об этом: Азаров, В.А. Защита имущественных интересов потерпевших от преступлений: от официального проекта до действующей редакции УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов Международной научно-практ. конф. (5-6 февраля 2004 г.). Часть 1. – Красноярск, 2004. – С. 20-28.
18. Мизулина, Е. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. – Тарту, 1991.
19. Еникеев, З.Д. Задачи и принципы уголовного процесса в свете проблем борьбы с преступностью // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межв. сборник научных тр. – Уфа, 2003. – С.15.
20. См. например: Зинатуллин, З.З. УПК 2001 года и насущные проблемы уголовно-процессуальной науки // Механизм реализации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы и пути их решения: межвуз. сб. – Ижевск, 2003. – С. 6; Томин, В.Т., Попов, А.П. Указ. соч. – С. 85, 96; Бойков А.Д. Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика. – Основной доклад на научно-практической конференции «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. – 2002. – №9. – С. 90-98.
21. См.: Корецкий, Д. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. – 2004. – №5. – С.6.